

УДК 81.38/42

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-127-142

ОПЫТ ЛИНГВО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНФЛИКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ТРОЛЛЯ В СЕТЕВОЙ ПЕРЕПИСКЕ)*

А. В. Курьянович

Томский государственный педагогический университет, Томск

Представлен анализ особенностей коммуникативного поведения языковой личности сетевого тролля, ориентированной на реализацию открытой враждебной манипулятивной стратегии по отношению к другим участникам интернет-взаимодействия. Новизна исследования состоит в обосновании специфики троллинга посредством сопоставления с другими типами конфликтного речевого поведения в сетевой переписке, лингво-персонологической параметризации конфликтной языковой личности сетевого тролля с позиций коммуникативно-дискурсивного подхода. Речевая деятельность сетевого тролля оценивается с точки зрения несоответствия этико-правовым нормам и потенциальной ответственности перед законом.

Ключевые слова: языковая личность конфликтного типа, электронный жанр, электронный эпистолярный текст, сетевая переписка, тролль, троллинг, речевая агрессия.

В условиях динамично развивающегося информационного общества особый интерес для ученых представляет такой многоаспектный и междисциплинарный объект исследования, как интернет-взаимодействие. При этом Сеть осмысливается не только и не столько как площадка, способствующая реализации технической функции результативной передачи информации в удобной и доступной форме. В первую очередь Интернет выступает в качестве особой коммуникационной среды, формирующей уникальный тип субкультуры, манифестируемой многочисленными проявлениями сознания и поведения пользователей разных видов – определенных категорий носителей языка, различными жанровыми формами.

В числе последних особо отметим *электронные эпистолярные тексты* [1], актуальность которых сегодня обусловлена, с одной стороны, их типологическими свойствами (политематичностью, клишированностью, воспроизводимостью формы, стилевым синкретизмом, полно- и полидискурсивностью), с другой – существующим социально-историческим «заказом». Тексты данного типа опосредуют дистантное взаимодействие разных категорий адресантов и адресатов, позволяют минимизировать усилия, временные и материальные затраты, характеризуются доступностью создания и распространения, оперативностью и эффективностью достижения результата. К текстам *сетевой переписки* относятся письма, пересылаемые по электронной почте, включая разные проявления спам-корреспонденции и флуда, а также записи в блогах, чатах, мессенджерах, социальных сетях, на форумах и пр. Данные дискурсивно-жанровые свойства электронных эпистолярных текстов об-

условливают возможность функционирования в качестве их авторов языковых личностей разных типов, в том числе и конфликтных. Рассмотрение особенностей коммуникативного поведения последних является актуальной задачей для исследователей-лингвистов, поскольку в современной социальной коммуникации, включая Интернет, значительное место занимает сфера конфликтного общения.

Конфликт – результат демонстрации участниками взаимодействия непонимания, агрессивного манипулирования, враждебного отношения друг к другу, наблюдающийся в контексте расшатывания морально-этических норм и в ряде случаев – нарушения действующего законодательства. Подобные коммуникативные ситуации «препятствуют возникновению взаимопонимания, вызывают негативные психоэмоциональные и физиологические состояния партнеров по общению» [2, с. 107]. В связи с этим актуальным видится изучение особенностей коммуникативного поведения языковых личностей конфликтного типа в условиях интернет-взаимодействия, в частности сетевой переписке.

Следуя логике юрислингвистического подхода, определяем суть конфликтного речевого взаимодействия как столкновение позиций коммуникантов с целью осуществления воздействия посредством использования фактов речевой агрессии. Потенциальным (не всегда и не обязательно) свойством любого конфликтного поведения является способность получения *правовой оценки*. Речевой конфликт, спровоцированный тем или иным проявлением конфликтного речевого поведения, может иметь правовую оценку при выполнении условий: 1) адресации высказывания непосредственно на счет конкретного лица, определяющего данное вы-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (РГНФ) научного проекта № 15-04-00216.

сказывание на свой счет как негативное; 2) присутствия в высказывании негативно окрашенных единиц (оскорбительной, обценной, сниженной эмоционально-оценочной лексики); 3) создания посредством этого высказывания негативного образа данного лица, способствующего возникновению ситуаций, которые имеют правовую квалификацию в соответствии со статьями действующего законодательства: распространение *клеветы*, т. е. заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (ст. 128.1 УК РФ) [3]; совершения *оскорбления*, т. е. унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме (ст. 5.61 КоАП РФ) [4]; публичных призывов к осуществлению *экстремистской деятельности* (ст. 280 УК РФ), развязыванию *агрессивной войны* (ст. 354 УК РФ) [3]; действий, направленных на возбуждение *ненависти* либо *вражды*, а также на *унижение достоинства* человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенных публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (ст. 282 УК РФ) [3]; совершения *угрозы убийством* или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) [3].

Конфликтное речевое поведение может проявляться в разных типах и различных коммуникативных сферах. Интернет-дискурс является коммуникативной средой, весьма благоприятной для формирования конфликтных ситуаций и функционирования в них конфликтных языковых личностей разных типов. Этому способствуют такие свойства сетевой коммуникации, как доступность, анонимность, порождающие, в свою очередь, определенную свободу поведения, вседозволенность, безнаказанность, трудность верификации в случае совершения преступления.

Разновидностью конфликтного речевого поведения в Сети выступает *троллинг* – провокативное поведение пользователей сетевой переписки, основанное на нарушении правил этического взаимодействия и приводящее к конфликту. Троллинг – междисциплинарный объект изучения, еще не в полной мере определенный, но уже получивший оценку в качестве девиантного дискурса со стороны специалистов в области клинической психологии (Р. А. Внебратных и др.) и явления, направленного на деструкцию социальной коммуникации, в работах социологов (М. М. Акулич, О. М. Дементьев, М. М. Дубровина, Д. И. Семенов, Г. А. Шушарина и др.).

Варианты толкования троллинга в современной лингвистике представлены в приводимых ниже

определениях, актуализирующих разные аспекты интерпретации данного термина: 1) форма реализации речевой агрессии, имеющая дискурсивную обусловленность (т. е. существующая исключительно в Сети и функционирующая в соответствии с законами последней) [5]; 2) специфический жанр виртуальной интеракции – «дискурсоприобретенный» [6], отличающийся «атональностью и манипулятивностью» [7]; 3) частное проявление речевой стратегии дискредитации одного коммуниканта другим в рамках сетевой полемики [8]; 4) коммуникативная игра, реализующая фатическую функцию в формате четкого следования участников выбранным коммуникативным ролям [5]; 5) тип коммуникативной деятельности в интернет-сфере, «сложный, искусный и затейливый способ проведения агрессивно настроенного общения, отличающийся установкой на эскалацию межличностного конфликта» [9, с. 980]; 6) разновидность конфликтного речевого поведения в сфере виртуального взаимодействия [10]. Признавая справедливость всех приведенных выше толкований ключевого термина, в качестве отправного для наших рассуждений считаем последнее из перечисленных. Понятие троллинга как типа конфликтного речевого поведения определяется с учетом обусловленности дискурсивными особенностями сетевого взаимодействия, т. е. с позиции коммуникативно-дискурсивного подхода.

Понятие троллинга целесообразно рассматривать в широком и узком смыслах. Широко – как явление, распространенное и функционирующее в любой разновидности дискурса и в любом типе коммуникации: «...данный термин вышел за рамки интернет-коммуникации: троллингом сегодня называют не только жесткие речевые провокации, но и дружеские шутки, ироничные высказывания... При этом и адресант, и адресат преследуют цель, которая чаще всего обусловлена фатическим характером коммуникации: развлечь себя и окружающих, поупражняться в остроумии» [5, с. 113]. Узко – как исключительно сетевой феномен, порожденный Интернетом и имеющий жесткую дискурсивную обусловленность (мы придерживаемся именно этой позиции).

Сетевой тролль (ср.: в скандинавской мифологии тролль – злобное и отвратительное существо) – языковая личность конфликтного типа, иницирующая деструктивное течение коммуникации в силу ориентации на ее конфликтную составляющую (см. работы Е. В. Беловой, Н. Д. Голева, Е. В. Иванцовой, Ю. Н. Караулова, И. В. Коноваленко, Н. Н. Кошкарновой, К. Ф. Седова, М. Ю. Сейранян, В. П. Шеина и др.). Развертывание троллинга в сетевой переписке имеет векторную направленность «от адресанта (субъекта) → к адресату (объекту)». При этом под *субъектом* понимаем

лицо, сознательно инициирующее манипулятивное действие (*тролль*), под *объектом* – того, на кого направлены действия манипулятора (*объект троллинга*). Как показывает анализ текстов, в сетевой переписке возможна смена данных коммуникативных ролей. Тролль, чтобы вызвать психоэмоциональное раздражение у объекта, использует любой информационный повод, однако преобладает ориентация на «больные», животрепещущие темы, освещение которых сопряжено с созданием в пространстве переписки атмосферы провокационности и подстрекательства к неблагоприятным ответным вербальным действиям со стороны участников сетевой интеракции. Каждое высказывание субъекта троллинга обладает прагматикой и силой осознанного «раздражителя», вызывающего у адресатов крайне негативные эмоции и чувства – беспокойство, зависть, обиду, злость, гнев, страх, ненависть, стимулирующего усиление *виктимности* (подверженности комплексу жертвы). Повод для троллинга может быть любой – от рассуждений по поводу вполне «невинного» факта из области современного «شوубиза» до провокаций и «спекулирования» на остросоциальных проблемах, связанных с нравственностью, духовностью, исполнением законов, отношением к смерти, болезням, нищете, религии и пр. Для инициатора троллинга важно вывести адресата из состояния эмоционального равновесия и заставить «разыгрывать» свой манипулятивный сценарий.

В выдвигании сетевого тролля в качестве конфликтного типа языковой личности мы руководствуемся коммуникативно-дискурсивным подходом. Лингвоперсонологическое пространство интернет-коммуникации формируется разными типами языковых личностей, в числе которых конфликтная разновидность занимает одну из ключевых позиций. Это объясняется в первую очередь экстралингвистическими факторами, воплощающими специфику мировоззрения, склада характера и психики подавляющего большинства представителей русской нации – пользователей Сети – на современном этапе. Сетевой тролль воплощает один из «ментально-языковых» (Н. Д. Голев) вариантов функционирования национальной языковой личности (ср.: «лингвосоциологический тип языковой личности» в концепции А. В. Замиловой, Л. М. Комиссаровой, И. Г. Шестаковой; «социально-ментальные типы языковой личности» в работах Т. В. Чернышовой) (подробнее: [11]). Отметим, что языковая личность сетевого тролля имеет «типические для социума черты» [12, с. 28], точнее – воплощает определенный тип поведения в Сети, обусловленный свойствами последней.

Исследование базируется на анализе особенностей речевого поведения реальной личности – участника сетевой переписки, инициирующей

троллинг. Однако на основании сетевых показателей параметризации тролля (его аватара, никнейма, содержания домашней странички и собственно коммуникативного поведения) в большинстве случаев трудно установить личность реального человека. Получается, что исследователь имеет дело с условно реальным носителем языка и оценивает особенности речевого поведения исполнителя определенной коммуникативной роли. Тролль выступает порождением масочной сетевой коммуникации, разновидностью *виртуальной языковой личности* – «условным образом того или иного участника виртуального дискурса», «неразрывным соединением реальных и ассоциируемых характеристик личности», «не сводимым ни к реальному типу личности, ни к вымышленному, поскольку грань между личностью, действующей от своего собственного лица, и личностью, создающей несуществующий образ, в виртуальном дискурсе неопределима» [6, с. 6]. Такой сложный в своей неоднозначности лингвоперсонологический статус языковой личности сетевого тролля обуславливает трудности в характеристике его речевого поведения в юрислингвистическом аспекте: масочность фактически «обнуляет» ответственность тролля за свои речевые действия, тролль с легкостью нарушает существующие этико-правовые нормы, а верифицировать его личность и призвать к ответу за правонарушения в соответствии с существующим законодательством в ряде случаев бывает либо трудно, либо невыполнимо.

Коммуникативное поведение сетевого тролля отличается агрессивностью, которая может иметь различные проявления: от скрытой провокации, эмоциональной словесной перепалки до оскорблений и клеветы. Сущностная характеристика действий тролля как социально обусловленного типа личности состоит в преднамеренной реализации манипулятивной стратегии, «воздействии на эмоции, чувства, желания, настроения объекта троллинга, вызывающие в нем негатив, а в субъекте троллинга чувство удовольствия, повышение самооценки и настроения, радость и т. п.» [13, с. 50]. Неслучайно некоторые ученые из области социальной психологии причисляют троллинг к проявлениям энергетического вампиризма. Так, О. А. Чванова говорит о подобном типе личности как подпитывающемся «эмоциональной энергетикой из своего социального окружения в процессе коммуникации... В результате энергетический вампир реализует свои потребности, получая различные виды садистского наслаждения от наблюдения за негативными аффективными реакциями выбранного объекта воздействия» [14, с. 49].

В числе прочих целей тролля, реализуемых им в сетевой переписке, помимо получения эмоционального удовлетворения от выплескивания нега-

тивных эмоций в адрес других участников общения и манипулирования последними, можно выделить также установку на эпатаж и формирование собственного имиджа. В частности, подобная интенция может быть связана с критикой текстового сетевого ресурса на предмет наличия орфографических или стилистических ошибок и рекомендаций по их устранению, что в итоге положительно сказывается на качестве сетевого текстового контента. В этом случае можно говорить о присутствии в поведении тролля конструктивной составляющей. Однако отметим, что в целом манипулятивная функция в действиях тролля, направленная на дестабилизацию коммуникации, выступает приоритетной.

Таким образом, на основе сказанного выше выделим перечень основных **дискурсивных особенностей** троллинга как типа конфликтного речевого поведения: 1) присутствие осознанного манипулятивного сценария (срежиссированность действий тролля), который развивается динамично и эмоционально напряженно; 2) адресность и субъектность (тролль как инициатор конфликтной ситуации ориентирован на причинение морального, главным образом психоэмоционального, ущерба конкретному лицу, объектом троллинга как субъектно направленной коммуникации являются личностные качества данного лица); 3) установка на получение ответа (достижение перлокутивного эффекта) через манифестацию открытой провокативности, игры на чувствах, использование эмоционального раздражителя, создание психоэмоционального дискомфорта; 4) при достижении результата – получение чувства удовлетворения, удовольствия, радости, самолюбования.

Лингвистические характеристики троллинга обусловлены его дискурсивными свойствами и репрезентируются единицами всех языковых уровней. Считаем, что основной лингвопрагматической категорией, проявляющейся в троллинг-высказываниях, выступает категоричность, безапелляционное выражение негативного отношения к конкретному собеседнику на уровне его личностных характеристик с целью унижить, оскорбить, подавить морально и психоэмоционально, получив в случае достижения цели в качестве результирующей психоэмоциональное удовлетворение и ощущение морального превосходства.

На **фонетическом уровне** категоричность суждений тролля проявляется посредством актуализации лексем – маркеров логического ударения и интонации, что находит отражение в способе графического изображения данных лексем («...*твое мнение неинтересно никому-у-у-у*») (этот и другие примеры взяты из приводимых ниже контекстов).

На **лексическом уровне** троллем широко исполь-

зуется стилистически сниженная (ругательные не-литературные единицы, как правило, взятые из территориальных и социальных жаргонов; грубопросторечная лексика, входящая в состав литературного языка; литературные, но ненормативные слова и выражения), а также инвективная (оскорбительная) лексика, обсценизмы (мат), резкая, грубая, циничная, неприличная и/или непристойная форма выражения авторских мыслей [15]. Посредством данных лексем передается крайне негативная (бранная) оценка троллем личности собеседника, отличающаяся высокой степенью экспрессивности, интенсивности: *ты стелька кацапская, щенок паршивый, «оплаченец», разжигатель войны, демагог и латентный убийца, острослов-г<...>нослов, че гевара х<...>нов, писака-убийца, адепт жидобандеров?* и пр. Часто в высказываниях тролля присутствуют зоосемантические метафоры, содержащие негативные оценки объекта троллинга, грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения: *быдло, кобель, кобыла, рыло, свинья, сука, сукин сын, свиное рыло* и пр.

На **грамматическом уровне** в высказываниях тролля можно выделить модальные слова или словосочетания, выступающие в роли вводных слов с семантикой «уверенность говорящего в истинности своих слов» (*конечно, бесспорно, несомненно* и пр.), краткие прилагательные и причастия с семантикой уверенности, убежденности, несомненности, выполняющие функцию сказуемого или выступающие в роли вводных слов (*уверен, убежден, не сомневаюсь* и пр.), наречия меры и степени, в том числе с частицей или приставкой НИ (*абсолютно уверен, глубоко убежден, уверен на сто процентов, ни на минуту не сомневаюсь, ничуть не изменилась, несколько не почувствовал* и пр.), глаголы речи (*заявлять, утверждать, требовать, подчеркивать* и пр.) с семантикой ультимативности, выступающие в роли сказуемых главной части сложноподчиненных предложений с придаточным изъяснительным или сказуемых в бессоюзном сложном предложении с пояснительной частью, наречия с семантикой усиления действия (*решительно заявляю, категорически заявляю, уверенно заявляю, особо подчеркиваю, категорически утверждаю* и пр.), модальные слова с семантикой долженствования и необходимости, входящие в состав сказуемого (*должен, обязан, нужно, надо, необходимо, нельзя* и пр.). Отметим, что тролль демонстративно пренебрегает средствами речевого этикета, декларируя тем самым крайне негативную категоричность своей позиции. Из всех типов высказываний в речи тролля доминируют такие, которые способствуют реализации манипулятивных установок, направленных на моральное и психоэмоциональное унижение собеседника: директив-

ные (побудительные), модально-инфинитивные, негативно-оценочные с оценочными предикатами (по модели «Х есть У», где Х – конкретное лицо, У – негативная характеристика его личностных свойств), высказывания-репрезентативы (Дж. Серль), описывающие положение дел, с точки зрения говорящего, как истинное в утвердительной и даже вопросительной формах; призывы-запреты, или отрицательные императивы («прохибитивы», по В. А. Плунгяну).

На *риторическом* и *стилистическом* уровнях троллинг эксплицируется посредством использования разнообразных стилистических и риторических средств и приемов: «перехода на личности» (троллинг разворачивается крайне динамично: субъект, быстро теряя интерес к теме обсуждения, сосредотачивается на нападках в сторону адресата, крайне негативной характеристике его личностных свойств (указывает на ложь в суждениях, отсутствие знаний в каких-либо областях, в том числе на наличие ошибок в речи и пр.); «переключения внимания» с предмета дискуссии на ее участников посредством апелляции к определенному информационному поводу – наболее конфликтной теме; приемов, основанных на разных формах насмешки (иронии, остроумия, сарказма, гротеска, парадокса, абсурда, намеков и др.); «нерациональной аргументации» (отсутствия логической аргументации и вообще всяческого логического (рационального) обоснования суждений, апелляции к эмоциональной стороне сознания, провоцирования человека на проявление негативных эмоций, расчета на автоматические реакции психики, эмоциональное реагирование с целью установления психоэмоционального превосходства; «словесного напора» (безапелляционность тона и оценок, превентивное демонстрационное пренебрежение к позиции собеседника и его возможным возражениям в виде рациональной аргументации, демонстративное неуважение, хамство, оскорбление, глумление, издевательство, травля, стеб).

Осмысление троллинга в лингво-теоретическом и лингво-правовом ключе предполагает конкретизацию этого явления посредством сопоставления со смежными или подобными. В современном языкознании проблема дифференциации различных типов конфликтного речевого поведения, а также выделения критериев этой дифференциации характеризуется уже весомым заделом в изучении. Информацию о существенных отличительных чертах некоторых типов конфликтного поведения, наиболее часто упоминаемых в научной литературе, содержит приведенная ниже таблица. Данная сопоставительная характеристика позволяет глубже осмыслить специфику троллинга.

Акцентируем, что все типы конфликтного поведения, включая троллинг, в сетевой переписке объ-

единяются на основании общности ключевой целевой установки адресанта (субъекта), состоящей в реализации им преднамеренного манипулятивного воздействия в отношении адресата (объекта), его эмоций, чувств, желаний, настроения. Реализация всех типов конфликтного речевого поведения вызывает у объектов устойчивое негативное, а у субъектов – позитивное отношение, провоцируя у первых появление раздражения, гнева, злости, обиды, зависти, у вторых – удовлетворения, удовольствия, самолюбования, радости. Общим видится и один из результатов осуществления разнообразных вариантов конфликтного поведения – дисгармонизация общения, от коммуникативного сбоя до полного прекращения взаимодействия. Более того, поскольку каждый из обозначенных типов речевого поведения ориентирован на конфликт, общность их выражается в существовании потенциальной возможности переведения ситуации коммуникации в правовую плоскость и оценки речевого поведения конкретного участника с юридических позиций. Однако, обнаруживая черты сходства, тот или иной формат конфликтного речевого поведения отличается, в частности: 1) степенью (силой) создаваемого манипулятивного воздействия; 2) стратегиями, тактиками и языковыми средствами его осуществления; 3) результатом в виде рисков, которым подвергается объект (от причинения психологического дискомфорта до доведения до самоубийства). Опираясь на положения современной юрислингвистики, подчеркнем, что не всегда и не обязательно троллинг попадает в сферу правовой регламентации. Условия юридической квалификации троллинга совпадают с общими условиями квалификации конфликтного речевого поведения в юридическом аспекте (см. выше).

Приведем пример, иллюстрирующий речевое поведение сетевых троллей. Информационным поводом для возникновения троллинг-высказываний явилось суждение *«Твиттер предал Ваню анафеме»*, принадлежащее пользователю, зарегистрированному в этой социальной Сети под ником Лана Светина, а также сообщение самого известного актера Ивана Охлобыстина, ставшего объектом троллинга: *«Все! Без всяких объяснений администрация Твиттера заблокировала мой аккаунт. Последней записью была молитва за Донбасс. Видимо за это. Польщен. За молитву претерпеть честь для христианина!»* [17]. Высказывание пользователя Ланы Светиной и сообщение Ивана Охлобыстина в целом рассматриваем как информационный повод, послуживший толчком к активному обсуждению пользователей в формате сетевой переписки. Приведем отдельные фрагменты:

Сопоставительная характеристика некоторых типов конфликтного речевого поведения в Сети

Тип конфликтного речевого поведения в сетевой переписке	Определение	Цель осуществления	Результаты и риски (в том числе правовые) осуществления	Языковые маркеры	Правовая оценка	Примеры
Спам-корреспонденция	Массовая рассылка рекламных сообщений, действий в Сети, направленных на осуществление деятельности мая без согласия получателя	Материальное обогащение, коммерческая выгода; технические сбои (перезгрузки в работе Сети, проникновение вирусов в систему компьютера, оплата ненужного трафика)	Моральный и материальный вред	Побудительные предложения, рекламные клише, риторические вопросы и восклицания, лексические единицы, в значении которых присутствуют семы «быстро», «не откладывая», «незамедлительно», «умелое использование стилистических ресурсов лексикой	Мошенничество, нарушение норм социальной интеракции, т. е. противозаконный характер действия (в России спам запрещен Законом о рекламе (ст. 18, п. 1))	«Хотите иметь деньги, используя самый большой рынок мира для покупки товара? Мы создали для Вас очень подробную пошаговую инструкцию в которой расписан план с полным нуля и до первого большого чека! Получите Kingu Немедленно!» (Здесь и далее авторские орфография и пунктуация сохранены) [16]; «Вам начислены комиссионные на сайте Jewellery. Канал Jewellery поможет зарабатывать деньги, просматривая рекламу ювелирных украшений. Это шанс начать новую жизнь в новом году. >>>>>> все нюансы здесь» [16]
«Письма счастья», «матерские письма»	Тексты, в том числе религиозно-мистического содержания, рассылаемые нескольким адресатам с требованием их копирования и дальнейшей массовой рассылки	Навязывание воли субъекта адресату, психологическое, эмоциональное и коммуникативное доминирование	Моральный вред			«Со дня после того, как ты прочитаешь это послание, при условии, что цепь не будет прервана, ты можешь даже не верить в это. Это работает как огромная пирамида мыслей людей. Твоя личная жизнь изменится к лучшему. Увидишь, даже если ты не суеверен» Послушай, это правда... Если ты пошлешь это письмо 10 людям, то завтра вас ожидает удачный день... Если ты пошлешь письмо 25 или больше, то в течении 10 минут вам позвонит человек к которому вы не равнодушны !!! Обрати нельзя» [16]; «В 2009 году желаю тебе 12 месяцев без болезни, 8760 часов успеха, 365 дней счастья, 31536000 секунд приятных моментов. Только попробуй не отослать это SMS-послания» [из новогоднее поздравление своим друзьям!]

Тип конфликтного речевого поведения в сетевой переписке	Определение	Цель осуществления	Результаты и риски (в том числе правовые) осуществления	Языковые маркеры	Правовая оценка	Примеры
Флудинг, оффтопинг	Сообщение адресату неактуальной на момент коммуникации и не несущей смысла информации, в том числе коммерческого характера	Навязывание собственной темы для обсуждения в группе, своих интересов	Так называемый «мусорный» трафик, внесение дискомфорта в социальную коммуникацию	Могут присутствовать метакоммунаривы-извинения, повторы, копирование информации	Аналогично спаму	Комментарий на пост А. Навального: « AI No. Дико извиняюсь за оффтоп. Но просто для неопытной власти похоже это нормально, а меня задает, что останки русского офицера будут в музее храниться. У вас кокассо получается организовывать людей – может стоит замутить движение за перезахоронение в родной земле? Кто бы он не был http://rusvesna.su/news/1493218533 » [17]
Троллинг	Размещение в сети провокационных сообщений в адрес конкретного лица или относительно информации оного повода с целью нагнетания конфликта; имеет форму отдельной реплики (подробнее: [5])	Эмоциональное удовлетворение от выплескивания негативных эмоций в адрес других участников общения, установка на эпатаж, демонстрация силы, борьба с собственным комплексом неполноценности и самопрезентация, самоидентификация, борьба со скукой, коммуникативное лидерство	Моральный вред	Оскорбительная, обесцененная, сниженная эмоционально-оценочная лексика; обязательное употребление средств номинации объекта троллинга	Ситуативно – клевета, оскорбление, обвинение в экстремизме, разжигании национальной розни и пр.; при наличии доказательной базы – возможность наступления административной, гражданской или уголовной ответственности	« Андрей Заокский. Эльвира Рабышко, о, и тут эта безграмотная спельястка-психиатр засветилась. Эльвирок, сними мужика, может муж на час соделает тебя добрее.) » Мартик Бударян. Отморозок Анна Гвоздева-Карелина. А пара хорошо споткнулся на «розовой кофточке». И поделим ему))) И другим таким – наука будет))) Igor Novikov. КОНЧИТА ОН!!! Светлана Иванова. Что молотишь дебил, он коренной болгарин, не знаешь заткнись. Зависть гложет некоторых бездарных мужиков талантил и красив и удачен» [17]; «Митя Петрин. Запомни, гандаши – чужие дети тебе НИЧЕМ НЕ ОБЯЗАНЫ! Своих воспитывай... может такишь же дебилов как сам вырастить...» Евгений Ивлиев. Слышь, малолузный. Из комы алкогольной выйди и суть вопроса осмысли...» [17]; «Андрей Колков. Все нормальные от Навального давно свалили еще в далеком 2014м...» Николай Филатенков. Андрюша, если бы Вы знали, как вас, жлобов, не любят простой народ в провинции... И в частности дальневосточники... Конкретно, таких как вы» [17]
«Жесткий»	Сообщение адресовано конкретному участнику переписки					

Тип конфликтного речевого поведения в сетевой переписке	Определение	Цель осуществления	Результаты и риски (в том числе правовые) осуществления	Языковые маркеры	Правовая оценка	Примеры
Эльфинг	Скрытая форма манипулятивного воздействия	Выражение негативного отношения к лицу/информационному поведению в имплицитной форме	Моральный вред	Слова с «комплексными» компонентами смысла, прием эзопова языка и «доброй» иронии, в подтексте звучащей как едкая насмешка и сарказм, языковая игра	Аналогично троллингу при условии возникновения у адресата чувств оскорбленности, обиженности	« <u>Irina Gengard</u> . Да выселить их из ГЗ (главного здания – А.К.) – и все дела. <u>Maria Nadyumykh</u> . И #ваше всю территорию МГУ передать РПЦ -- под монастырь» [17]; «Ведь это не «Единая Россия» голосовала за повышение тарифов; ведь это не «Единая Россия» поощряет неравенство регионов политически мотивированным дотированием; это ведь не «Единая Россия» сидит в тарифных службах и согласовывает липовые инвестиции, задаря тарифы; это ведь не члены «Единой России» сидят по всей стране в ЖЭКах и ДЭЗах, разворовывая платежи населения и расплачиваясь за возможность разворовывания тем, что фальсифицирует выборы, сидя в участковых комиссиях» [17] « <u>Анна Новак</u> Смотрите, налогоплательщики, какую красоту вы подарили обделенной семье, живущей в аварийном жилье! Молодцы!!!! Пожертвование, ведь!!! <...> <u>Павел Сметанников</u> Анна Новак вы где живёте и откуда вы?! <u>Павел Сметанников</u> Сидите в своём Казахстане и не трывдите!! <u>Сухарева Татьяна</u> Анна Новак ! Завидуйте молча! Охренели вообще <u>Анна Новак</u> Павел Сметанников, Сухарева Татьяна «не говорите мне, что делать и я не скажу, куда Вам пойти» <u>Женя Демакова</u> Анна Новак.....Отвлекитесь, пойте валерьянки иишиши.....на свежий воздух! Дышите глубже , вы взволнованы \ буквы прописные \. <u>Анна Новак</u> Женя Демакова Вы врач? Или медитацией сейчас занимаетесь? не отвлекаю Вас, а то чакры не раскроятся..... иишиши» [17]
Флейминг	В отличие от троллинга, ф. представляет собой не отдельное высказывание, а диалог (подробнее: [5]) в формате «словесной дуэли, эмоциональная перепалка с резким переходом от комментариев по теме к обсуждению в негативном ключе с использованием инвективной лексики личности собеседников	Эмоциональное удовлетворение от выплескивания негативных эмоций в адрес других участников общения, установка на эпатиж, демонстрация силы, борьба с собственным комплексом неполноценности и самопрезентация, самоимидж, борьба со скукой	Моральный вред	Оскорбительная, обесценная, сниженная эмоционально-оценочная лексика; обязательное употребление средств номинации объекта троллинга	Аналогично троллингу при условии возникновения у адресата чувств оскорбленности, обиженности	

Тип конфликтного речевого поведения в сетевой переписке	Определение	Цель осуществления	Результаты и риски (в том числе правовые осуществления)	Языковые маркеры	Правовая оценка	Примеры
Кибербуллинг, кибермоббинг, секстинг	Психологическая травля объекта в интернет-коммуникации	Психологическое подавление объекта, угроза психическому и физическому здоровью, жизни	Запугивание, домогательства, оскорбления, клевета, навешивание социальных ярлыков (<i>стигматизация</i>), провоцирование у объекта появления депрессивных расстройств разной степени тяжести, доведение до суицида	Побудительные предложения, риторические вопросы и восклицания, лексические единицы, в семантике которых присутствует семантика «угроза», аргументация	Нарушение Федерального закона «О персональных данных» № 152-ФЗ; при наличии доказательной базы – возможность наступления административной, гражданской, уголовной или уголовной ответственности	Общение в рамках отдельных групп в социальных сетях (« <i>Синий кит</i> », « <i>Разбуди меня в 4:20</i> », « <i>Море китов</i> », « <i>Тихий дом</i> », «57» и др. «С детьми работают взрослые люди – естественно, планомерно и четко, шаг за шагом подталкивая их к последней черте. Работают со знанием их пристрастий и увлечений, используя любимую ими лексику и культуру. Работают со знанием психологии, внушая девочкам, что они «толстые», а ребятам, что они – «лузеры» для этого мира. Потому что есть иной мир, и вот там они – «избранные». Здесь самые «безобидные слотаны» – вот такие: «Лучшие вещи в жизни с буквой «с» – Семья суббота секс суицид». Песни типа: «...мы ушли в открытый космос, в этом мире больше нечего ловить». Вопросы: «сколько унылых будней ты готов еще так просуществовать?» Картинки: «этот мир не для нас». Фото: дети на крышах с надписью «мы дети мертвого поколения» [18]

«Oganov Mike. Терпеть и не п[...]³ть об этом – еще почетнее! Продолжай тихо там! 😊

Ирина Романова. дебил – что уж тут.

Лана Светина. От церкви его тоже отлучили или только от твиттера?

Ирина Романова. Лана Светина похоже, только от твиттера.

Анна Карнаух. Лана Светина патриотизмом

Марина Мизунова. Лана Светина он же из ящика, кино и сериалов не вылезает; реклама опять же. А в принципе вся его деятельность это шоу + инсталляция. Шут типа журика. Беда в том, что это не убеждения, а способ бабла себе наварить.

Irina Kara. Лана, проституцией зарабатывает, чем же еще <...>

Виктория Устименко. Ему в Кащенко надо и при том срочно.

Мария Болдырева. Он не идиот, он так зарабатывает! Мразота! И детей он настрогал много... Что из них получится...

Борис Губайдуллин. Таких не берут туда, неизлечим.

Дмитрий Парчевский. ... да Вы чегооо, там же люди! <...>

Валентин Готфрид. Его церковь – церковь последователей сатаны.

Виктория Алексеевна Дорофеева. Попрошу сатану не оскорблять подлыми подозрениями в сотрудничестве с конченными долбоящерами.

Алексей Арабажи. Виктория Алексеевна Дорофеева. Присоединяюсь к просьбе!!!

Анна Карнаух. Мерзавец он, а не христианин

Елена Лысенко. **Твиттер троллит придурка)**» [17].

Как показывает пример, объектом троллинга выступает конкретное лицо – Иван Охлобыстин. Инициатор троллинга – пользователь под ником Лана Светина. С ее подачи в троллинг вовлекаются все новые и новые пользователи, также приобретающие статус троллей. Участники обсуждения (троллинга-полилога) не скупятся употреблять в адрес объекта троллинга Ивана Охлобыстина речевые средства с крайне негативными компонентами значения, включая сниженные, обценные слова (*дебил, шут, мразота, мерзавец* и пр.). Однако при этом ни инициатор троллинга, ни другие его участники не переходят в обсуждении темы «на личности». Наоборот, выражают согласие с мнениями друг друга, дополняют суждения друг друга, консолидируя усилия в выражении негативных эмо-

ций в адрес актера. В итоге посредством употребления слова со значением, образованным на основе метонимического переноса (Твиттер как сообщество пользователей), возникает собирательный образ тролля (фраза выделена жирным шрифтом). Манипулятивная стратегия инициатора находит свою реализацию, однако не трансформируется во враждебную по отношению к другим участникам коммуникации. Следовательно, можно утверждать, что, приглашая адресатов высказаться в адрес конкретной публичной личности (т. е. провоцируя на определенные речевые действия), адресант не ставит цели оскорбить участников обсуждения, перейти в диалоге к обсуждению их личностных качеств, дестабилизировать коммуникацию в целом. При этом в отношении лица, фигурирующего в информационном поводе и выступающего объектом троллинга (Ивана Охлобыстина), продемонстрирован вариант троллинга, который при желании последнего и соответствующих ответных мерах, им предпринятых (откликнуться на публикацию, выразить возмущение, негодование, заявить, что данная текстовая информация его унизила или оскорбила и в конечном итоге обратиться с иском о защите чести и достоинства в суд), может получить правовую оценку.

В линии речевого поведения сетевого тролля нам особенно интересна сторона, связанная с нарушением им существующих морально-этических и юридических законов. Какова степень этико-правовой ответственности пользователя в Сети? Этот вопрос является одним из наиболее злободневных и обсуждаемых широкой общественностью, в том числе и научной. Приведем пример (фрагменты переписки пользователей социальной сети Facebook, оформленные в виде «Комментариев к новости» [17]) демонстрации троллем конфликтного речевого поведения в Сети в отношении участников конкретной коммуникативной ситуации как объектов троллинга (при получении ответной реакции со стороны объектов троллинга в формате троллинг-диалога) и представим опыт лингво-правового анализа речевого поведения тролля². В отличие от первого примера, в данном случае провокативное поведение тролля влечет за собой появление ответных действий объектов троллинга, а значит, характеризуется большей степенью возможности правовой оценки действий тролля в случае наступления его правовой ответственности.

В качестве информационного повода фигурирует сообщение, размещенное на телеканале

¹ Графический способ [...], введенный автором статьи для передачи иллюстративной текстовой информации, выступает приемом искажения графического облика сниженных (обценных) слов из этических соображений.

² Отметим, что правовая оценка речевого поведения тролля в этом и приведенном выше примере осуществляется вне контекста правовой ответственности тролля. Правовая ответственность тролля наступает в случае обращения объекта троллинга в суд с иском определенной направленности о защите его интересов.

«Дождь» «Это случилось. Путин подписал закон о декриминализации побоев в семье» 07.02.2017 [19]. Данный информационный повод вызвал бурное обсуждение в Сети: за неполные сутки поступило 211 комментариев, сделано 255 репостов, отмечено 1,5 тысячи реакций пользователей Facebook посредством использования иконок интерфейса «возмутительно», «нравится», «ха-ха». При обсуждении новости была отмечена активность пользователя под ником Dusja Perepjolkina, размещавшего комментарии крайне негативного эмоционального характера и провоцирующего тем самым участников обсуждения на соответствующие ответные действия:

*«Сергей Мацько. Тепер кабаева его побьет))))
Екатерина Кисель. Или он ее.*

Елена Юдина. Вам не про это сейчас надо думать, по уши в г[...]е. И не улыбаться.

Dusja Perepjolkina. Елена Юдина, а у них рай и светлое будущее впереди!!! «Щеее не вмярла.....!»

Наталья Лазаренко. Nadia Prokopenko подохла и воняет на весь мир.

Dusja Perepjolkina Nadia Prokopenko, Ваше узколобое мнение неинтересно никому!!

Hanna Vater. Перепелкина, не морочьте Юдиной голову, она ведь тролля/троллиху распознать не умеет <...>

Геннадий Даниленко. Можно создать на россии агенство «антимуж», которые по просьбам жен метелить тиранов

Dusja Perepjolkina. Геннадий Даниленко, Вы за Россию не переживайте. У Вас рай земной еще тот³. Агенство по избиение ветеранов АТО полицией уже открыли? <...>

Влад Шукач. Дусь Перепелкин – п[...]с пассивный. К тому же – мазохист. Поэтому знает, что пишет. Ему нравится, когда его п[...]т активный партнер 😊

Dusja Perepjolkina. Влад Шукач, я тебе когда еще говорила: удали прыщ с морды своей! 8-!! Это что? 8 см. внизу или в башке 8 гр мозга?

Елена Юдина. Башка у вас не этим должна быть забита, клоуны...

Oleg Nikolski. Дуся вперед домой там тебе муж битой остатки мозгов отобьет.

Dusja Perepjolkina. Oleg Nikolski, а почему вперед? Я смотрю, салоед, у тебя мозгов в излишке? Дуралейка, давай бегом в АТО, ссыкунчик.

Oleg Nikolski. Ты уверена что я там не был а безмозглые тролли идут в бан.

Влад Шукач. Умиляет, когда х[...]лопы обзывают украинцев салоедами. Мол сами х[...]лопы ни

сала, ни свинины не едят. В принципе такое вполне может быть, свинину, сало еще выкормить-вырастить нужно, а х[...]лопы неимоверно ленивы. Да и то, боярышник и стекломой можно и репой загрызть или ягелем занюхать. Но угости такого х[...]лопа салом, так жрать будет это сало в три горла. На шару ведь! Не так ли, Дусь Перепелкин? 😊» [17].

Коммуникативное поведение пользователя, зарегистрированного в Facebook под ником Dusja Perepjolkina, можно охарактеризовать как троллинг. Один из показателей принадлежности коммуниканта к троллям – скудность информации о нем, размещенной на персональной странице зарегистрированного пользователя социальной сети, либо полное отсутствие такой информации. Так, на персональной странице пользователя Dusja Perepjolkina указано только место жительства (г. Рига). Выбор аватара (картинки, изображающей пользователя) и фона персональной страницы также весьма показателен. Как показывают наблюдения, в ряде случаев на аватарке троллей отсутствует вообще какое-либо изображение, либо оно достаточно условно. В качестве аватара пользователя Dusja Perepjolkina фигурирует фотография кошки, а фоном персональной страницы является изображение цветов. Таким образом, в данном случае наблюдается абстрагирование от конкретного образа лица, «мимикрия», когда адресант «прячется» за «милыми», вызывающими аттракцию изображениями.

Не ставя задачи определить разновидность троллинга в данной коммуникативной ситуации (*любительский* или *заказной, профессиональный*), отметим, что сущность конфликтного поведения конкретной языковой личности в Сети вполне понятна другим участникам коммуникации. Об этом убедительно свидетельствуют их реплики (в примере выделены подчеркиванием), в которых представлен ряд наглядных словесных номинаций, идентифицирующих пользователя Dusja Perepjolkina как сетевого тролля: *«тролли/троллихи», «клоуны», «безмозглые тролли», мазохист*. Особенно негативно звучит и в полной мере передает отношение других коммуникантов словообозначение *«троллиха»*, параметризующее пользователя Dusja Perepjolkina по гендерному принципу с учетом выбора никнейма, или ника (псевдонима пользователя в Сети). Синтагматически данные лексемы-номинаты рассматриваемого образа сетевого адресанта коррелируют с такими случаями словоупотребления, как *«морочить голову», «остатки мозгов»*. Отдельные адресаты при обращении к пользователю Dusja Perepjolkina делают выбор в пользу сниженных лексических форм номинации лица. Так, пользова-

³ Автор комментария в имплицитной форме упоминает о ситуации в Украине (аватар адресата содержит цвета украинской государственной символики).

тель под ником Влад Шукач трансформирует форму ника своего оппонента по коммуникации, изменяя гендерный показатель: «*Не так ли, Дусь Перепелкин?*». При этом, используя обценную лексику, применяет коммуникативный ход «переход на личности», цель которого – жестко осадить тролля: «*Дусь Перепелкин – п[...]*с пассивный. К тому же – мазохист. Поэтому знает, что пишет. Ему нравится, когда его п[...]*т активный партнер*»». Контекст демонстрирует факт наличия ретроспективы в общении пользователей Facebook с Dusja Pererjolkina и закрепления за последним «распознаваемого» статуса тролля: «*Нанпа Vater. Перепелкина, не морочьте Юдиной голову, она ведь тролля/троллиху распознать не умеет*». В связи со сказанным становится очевидным желание участников коммуникации предпринять ответные меры в общении с троллем: переключив коммуникативные регистры, ответить ему «той же монетой», «отзеркаливая» его риторику и стилистику, либо прекратить общение: «*...безмозглые тролли идут в бан*». Отмечена закономерность: в ситуации игнорирования действий тролля последний теряет интерес к общению и выходит из него.**

Приведенные текстовые отрывки свидетельствуют о том, что манипуляционная стратегия в действиях тролля разворачивается в отношении конкретных участников диалога. Троль оперирует в рамках интерфейса Сети активным полем «ответить», в результате чего его послания имеют характер адресованности конкретному лицу – участнику переписки. Коммуникативное поведение тролля социально обусловлено, его речевые действия осуществляются в адрес конкретных лиц и характеризуются присутствием языковых единиц с устойчивыми негативными компонентами в значении. В связи со сказанным, при условии возникновения у адресатов чувства оскорбленности, речевые действия последнего могут быть подвергнуты правовой оценке, а расшифровки текстов сетевого общения могут стать доказательной базой при рассмотрении дел о защите чести и достоинства личности в судебном порядке. Акцентируем тезис о том, что большинство специалистов-правоведов квалифицируют троллинг как правонарушение: «...люди, чьи конституционные права были нарушены, могут обратиться в правоохранительные органы с заявлением о привлечении лица к административной, гражданской или уголовной ответственности. В структуре МВД есть специальные подразделения по борьбе с виртуальными преступниками и ими уже накоплен достаточно большой опыт работы в интернет-среде» [20, с. 83]. Все чаще на страницах юридических изданий можно встретить высказываемые предложения о введении специальной ответственности за интернет-правонарушения, в том числе троллинг. О слу-

чаях привлечения граждан к правовой ответственности за троллинг в мировой судебной практике последних лет см.: [20].

Анализ законодательных источников, в частности Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [21], показал, что электронный текст не представляет исключения для того, чтобы стать объектом и одновременно эмпирическим материалом для рассмотрения в судебном порядке. Однако при рассмотрении электронных текстов в качестве элементов доказательной базы могут возникнуть трудности, связанные как с определением круга лиц, участвующих в коммуникации не только в качестве непосредственно участвующих в переписке, но и предоставивших сетевое пространство для осуществления последней (собственники сайта как сетевого информационного ресурса, а также хост-провайдеры, разместившие информационный ресурс на своем сервере), так и с верификацией собственно речевых произведений, например, с точки зрения установления их авторства. Несмотря на имеющиеся сложности, при соблюдении определенных условий (адресованности текстовой информации конкретному лицу и наличия в речевой ткани текста инвективных лексических единиц) электронный текст приобретает правовой статус и становится единицей доказательной базы, выполняющей функцию социального регулирования.

Рассмотрим речевое поведение участника сетевой переписки под ником Dusja Pererjolkina (см. приведенный выше пример) в аспекте лингво-правовой характеристики. Коммуникативные стратегии манипулирования, открытого подстрекательства и враждебности, обуславливающие вектор речевого поведения данного пользователя, позволяют определить последнего в качестве конфликтной языковой личности. Строй речи носителя оформляется в том числе за счет использования лексем с крайне негативными коннотативными компонентами значения: «*Ваше узколобое мнение*», «*удали прыщ с морды своей*», «*в башке 8 гр мозга*». Данные словоупотребления обращены непосредственно в адрес конкретных лиц (все реплики пользователя Dusja Pererjolkina начинаются с упоминания никнейма конкретных адресатов), являются стилистически сниженными, в силу чего способствуют созданию негативного образа данных лиц в глазах пользовательского сообщества, провоцируют ответное чувство оскорбленности, обиды, несправедливо причиненного огорчения. Данные понятия не являются правовыми, констатация в суде факта переживания этих чувств как такового (в случае отсутствияотягчающих для состояния здоровья истца последствий) не влечет наступления правовой ответственности для ответчика. Однако общий

градус словесной перепалки употребление таких слов повышает значительно.

Одна из установок тролля – завоевание позиции коммуникативного лидера. Поэтому в отборе слов, номинирующих его адресатов, представлены единицы с уничижительно-сниженными коннотативными компонентами смысла, средствами выражения которых выступают суффиксы: «дуралейка», «ссыкунчик». Назидательный тон в общении тролля с объектами троллинга в данном случае передается интонационно-фонематическими и графическими средствами: «Щеее не вмээрла.....!», «... неинтересно никому!!».

Адресант ставит своей целью вербально задеть собеседника, дать почувствовать себя оскорбленным, униженным. На реализацию этой цели «работают» стилистические приемы: риторические вопросы и восклицания (*Влад Шукач, я тебе когда еще говорила: удали прыщ с морды своей! 8-!! Это что? 8 см. внизу или в башке 8 гр мозга?*), антитеза (*Геннадий Даниленко, Вы за Россию не переживайте. У Вас рай земной еще тот*). Ключевой риторический прием тролля – «переход на личности», состоящий в дискредитации аргументов оппонента посредством негативной характеристики его личностных качеств: интеллектуальных (*8 гр мозга, узкоболое мнение*), физических (*удали прыщ с морды своей*), половых (*8 см. внизу*).

Особо отметим политическую составляющую в семантике и прагматике троллинг-высказываний. Тролль контекстуально полусует участвующих в диалоге на «своих» и «чужих» (подразумевается – россиян и украинцев): «*Елена Юдина, а у них рай и светлое будущее впереди!!!*», «*Геннадий Даниленко, Вы за Россию не переживайте. У Вас рай земной еще тот. Агентство по избиению ветеранов АТО полицией уже открыли?*». В троллинг-реплике, обращенной к участнику переписки под ником Oleg Nikolski, тролль допускает использование лексем-номината образа адресата *салоед*, маркирующей его национальную принадлежность, которую потенциально можно рассматривать в качестве средства возбуждения национальной ненависти, а также на унижение достоинства человека по национальному признаку. В случае обращения участника коммуникации под ником Oleg Nikolski в суд и выполнения условия достаточности доказательной базы действия тролля могут быть квалифицированы как уголовное и/или административное правонарушение.

Тролль провоцирует своих оппонентов на ответную речевую агрессию. Так, целая цепочка обращений – лексем с крайне негативными компонентами смысла, употребленных в адрес пользователя Oleg Nikolski («салоед», «дуралейка», «ссыкунчик»), вызывает бурную эмоциональную реакцию одного из коммуникантов: «*Влад Шукач. Умиляет, когда х[.]лопы*

обзывают украинцев салоедами. Мол сами х[.]лопы ни сала, ни свинины не едят. В принципе такое вполне может быть, свинину, сало еще выкормить-вырастить нужно, а х[.]лопы невероятно ленивы. Да и то, боярышник и стекломой можно и репой загрызть или ягелем занюхать. Но угости такого х[.]лопа салом, так жрать будет это сало в три горла. На шару ведь! Не так ли, Дусь Перепелкин? 😊» [17].

Таким образом, анализ контента электронных эпистолярных текстов показал, что конфликтная сфера в современной социальной коммуникации представлена широко, что отражает сложившееся сегодня в обществе представление о разных способах демонстрации агрессии как допустимой норме. Интернет-среда создает условия для свободного проявления личности в интеракции, благоприятные для создания конфликтных ситуаций, которые связаны с реализацией разных типов конфликтного речевого поведения, социально-психологических по своей сути, включая троллинг. Отличительными чертами последнего выступают быстрая потеря интереса адресанта к теме обсуждения, установка на открытую провокацию посредством преднамеренного нарушения этико-правовых норм коммуникации и создания в результате этого отрицательного имиджа адресата в аспекте крайне негативной характеристики его личностных свойств. Троллинг маркируется языковыми средствами разных уровней: фонационными, передающими интонацию и логическое ударение, лексическими (жаргонными, грубопросторечными, литературными ненормативными, инвективными, обценными), грамматическими (директивными, модально-инфинитивными, негативно-оценочными, репрезентативными, отрицательно императивными типами высказываний и их элементами с семантикой негативного утверждения или побуждения, выраженных в категоричной форме), риторическими и стилистическими (приемами «перехода на личности», «переключения внимания», «нерациональной аргументации», «словесного напора», иронии, сарказма, гротеска, абсурда). Реализация троллинг-сценария приводит к обмену негативными эмоциями между участниками взаимодействия, коммуникативным сбоям в результате нарушения морально-этического и правового баланса в общении, а также потенциально может трансформироваться в объект судебного разбирательства, переместившись в юридическую плоскость административной и/или уголовной ответственности за высказывания оскорблений, клеветы, угрозы, причинение морального вреда. Конфликтная языковая личность сетевого тролля, особенности коммуникативного поведения которой имеют дискурсивную обусловленность, определяется в качестве социально-психологического варианта функционирования национальной языковой

личности в сетевой переписке. Лингвоперсонологический статус носителя языка данного типа включает в себя характеристики последнего как виртуальной (условно реальной, масочной) личности, что в значительной степени затрудняет возможность привлечения тролля к правовой ответственности, однако не отменяет его.

Рассмотрение сферы конфликтной коммуникации в сетевой переписке в аспекте лингвоперсонологических и лингво-правовых характеристик в целом вносит вклад в развитие современных научных теорий, а также является значимым для дальнейшего исследования проблематики прикладной лингвистики.

Список литературы

1. Курьянович А. В. Электронное письмо как функционально-стилевая разновидность эпистолярного жанра в пространстве современной коммуникации // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2008. Вып. 2 (76). С. 44–50.
2. Курьянович А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2005. Вып. 3 (47). С. 106–112.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ). Последняя действующая редакция с комментариями. URL: <http://stykrf.ru/128-1> (дата обращения: 21.11.2017).
4. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ). URL: <https://rucodex.org/koap/glava-5/st-5.61.html> (дата обращения: 21.11.2017).
5. Воронцова Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского ун-та. Серия 109. История и филология. 2016. Т. 26, вып. 2. С. 109–116.
6. Лутовинова О. В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013. 42 с.
7. Галичкина Е. Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2012. 38 с.
8. Новокшенов Д. Е. Троллинг: стратегия дискредитации & дискредитация стратегий // Речевая коммуникация в средствах массовой информации: материалы II Междунар. науч.-практ. семинара / под ред. В. В. Васильевой, В. И. Конькова. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2013. С. 224–227.
9. Яковлюк А. А. Социолингвистические аспекты и особенности выражения агрессии в интернете // Вестник Башкирского ун-та. 2014. № 3. С. 978–981.
10. Строителей Н. М. Троллинг как разновидность провокационного речевого поведения (на материалах англоязычных IRC-чатов) // Ученые заметки ТОГУ. 2013. Т. 4. С. 663–668.
11. Резанова З. И., Иванцова Е. В. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно ориентированное обучение / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. 435 с. (рецензия) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2009. № 2 (6). С. 127–130.
12. Иванцова Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2008. № 3 (4). С. 27–43.
13. Акулич М. М. Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. № 8. С. 47–54.
14. Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. № 3-1. С. 36–39.
15. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. К. Симонова, М. В. Горбаневского. М.: Медия, 2004. 328 с.
16. Бесплатная почтовая служба «Рамблер почта». URL: <https://mail.rambler.ru/#/folder/Spam/3177/> (дата обращения: 21.03.2017).
17. Социальная сеть Facebook. URL: <https://www.facebook.com/> (дата обращения: 21.03.2017).
18. Мурсалиева Г. Группы смерти // Новая газета. 16.05.2016. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата обращения: 21.03.2017).
19. Телеканал «Дождь». URL: https://tvrain.ru/news/putin-427130/?utm_source=facebook&utm_medium=social&utm_campaign=eto-sluchilos (дата обращения: 21.03.2017).
20. Дементьев О. М., Дубровина М. М. Интернет-троллинг – шалость, правонарушение или преступление? // Science Time. 2015. № 10 (22). С. 80–86.
21. Галактионова И. В., Кобозева И. М., Коломийцева Т. В. и др. Судебная лингвистическая экспертиза // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2003. № 9. С. 63–70.

Курьянович Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Томская область, Россия, 634061). E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 20.12.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-127-142

EXPERIENCE OF LINGUISTIC AND LEGAL PERSONALITY CHARACTERISTICS OF CONFLICT LANGUAGE PERSONALITY (ON THE EXAMPLE OF ANALYSIS OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF TROLL IN THE NETWORK CORRESPONDENCE)

A. V. Kuryanovich

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

In today's social interaction it is widely represented the sphere of conflict communication, which is a reflection of the existence in the society of a stable tendency to understanding the aggression as the permissible norms of hostile demonstrations, potentially punishable act inappropriately interpreted the notions of freedom and personal responsibility. Careful attention of scientists focused on the study of network communication in various forms of embodiment of its genre, in particular, - the correspondence of many social network users. The article presents an analysis of the characteristics of communicative behavior of linguistic identity focused on the implementation of hostile manipulative strategies in relation to others in the network correspondence. Such linguistic identity is defined as the conflict on the basis of a number of parameters, of which the key factor is in favor of communicative intention. In particular, it comes to speech and means to achieve them in a communicative activity of a troll as a carrier of the type of conflict. The essence of trolling - communicative actions of a troll - consists in placing provocative messages on the network in order to create conflict situations. Trolling can have different manifestations, from a «harmless» for the participants in the communication of a verbal clash about certain events and / or individuals, to «hard» forms associated with causing moral harm to the interaction of participants. A motivating base of actions in the network can be the troll's desire for emotional satisfaction from spilling out negative emotions against other communicators, aggressive and hostile manipulations, shocks. Troll promotes creation of provocation incitement in the communicative field by moving from discussion of social issues to personality of interaction participants. Such course of action, of course, entails a response. Troll can be seen in groups, discussing a variety of topics and issues and contemporary life. However, this discussion speaks only about the reason for a troll to «catch» and then, from the replica to the replica to deploy negative-emotional «onslaught» on the interlocutors. A natural result of becoming a failure in communication or its complete cessation. The specificity of the troll's network behavior allows us to talk about its potential responsibility in the field of ethical and legal relations. This is facilitated by the factors: firstly, the deployment of manipulative trolling actions for specific network participants' correspondence; secondly, active use in speech of stylistically reduced and obscene words, performing the function of invective. Given the above, it can be argued that the 6l.

Key words: *linguistic personality of conflict type, electronic genre, electronic epistolary text, network correspondence, troll, trolling, verbal aggression.*

References

1. Kuryanovich A. V. Elektronnoye pis'mo kak funktsional'no-stilevaya raznovidnost' epistol'yarnogo zhanra v prostranstve sovremennoy kommunikatsii [The e-mail as a functional and stylistic variety of the epistolary genre in the space of modern communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2008, no. 2 (76), pp. 44–50 (in Russian).
2. Kuryanovich A. V. Invektivnye rechevye zhanry v prostranstve sovremennoy mezhlchnostnoy kommunikatsii [Invective speech genres in the space of contemporary interpersonal communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2005, no. 3 (47), pp. 106–112 (in Russian).
3. *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Poslednyaya deystvuyushchaya redaktsiya s kommentariyami* [The Criminal Code of the Russian Federation (the Criminal Code). Last current version with commentary] (in Russian). URL: <http://stykrf.ru/128-1> (accessed 21 November 2017).
4. *Kodeks ob administrativnykh pravonarusheniyakh Rossiyskoy Federatsii* [Code of Administrative Offences of the Russian Federation (the Administrative Code)] (in Russian). URL: <https://rucodex.org/koap/glava-5/st-5.61.html> (accessed 21 November 2017).
5. Vorontsova T. A. Trolling i fleyming: rechevaya agressiya v internet-kommunikatsii [Trolling and flaming: vspeech aggression in Internet communication]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya 109. Istoriya i filologiya – Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, 2016, no. 2, pp. 109–116 (in Russian).
6. Lutovinova O. V. *Yazykovaya lichnost' v virtual'nom diskurse. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Language personality in virtual discourse. Abstract of thesis doct. of philol. sci.]. Volgograd, 2013. 42 p. (in Russian).
7. Galichkina E. N. *Komp'uternaya kommunikatsiya: lingvisticheskiy status, znakovye sredstva, zhanrovoye prostranstvo. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk* [Computer communication: linguistic status, symbolic means, genre space. Abstract thesis of doct. of philol. sci.]. Volgograd, 2012. 38 p. (in Russian).
8. Novokshonov D. E. Trolling: strategiya diskreditatsii & diskreditatsiya strategiy [Trolling: a strategy of discrediting & discrediting strategies]. *Rechevaya kommunikatsiya v sredstvakh massovoy informatsii: materialy II Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara*. Pod red. V. V. Vasil'evoy, V. I. Kon'kova [Speech communication in the media: Proceedings of the II International Scientific and Practical Seminar. Edited by V. V. Vasilyeva, V. I. Konkova]. Saint Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2013, pp. 224–227 (in Russian).

9. Yakovlyuk A. A. Sotsiolingvisticheskiye aspekty i osobennosti vyrazheniya agressii v internete [Sociolinguistic aspects and features of aggression expression in the internet]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2014, no. 3, pp. 978–981 (in Russian).
10. Stroitelev N. M. Trolling kak raznovidnost' provokatsionnogo rechevogo povedeniya (na materialakh angloyazychnykh IRC-chatov) [Trolling as a type of the provocative verbal behavior (on materials of English IRC-chats)]. *Uchenye zametki TOGU – Scientists notes PNU*, 2013, vol. 4, pp. 663–668 (in Russian).
11. Rezanova Z. I., Ivantsova E. V. Lingvopersonologiya: tipy yazykovykh lichnostey i lichnostno orientirivannoye obucheniye. Pod red. N. D. Goleva, N. V. Saykovoy, E. P. Khomich. Barnaul; Kemerovo: BGPU, 2006. 435 s. (retsenziya) [Lingvopersonology: types of linguistic persons and person-oriented education. Ed. N. D. Golev, N. V. Saykova, E. P. Khomich. Barnaul; Kemerovo: BGPU Publ., 2006. 435 p. (review)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2009, no. 2 (6), pp. 127–130 (in Russian).
12. Ivantsova E. V. Problemy formirovaniya metodologicheskikh osnov lingvopersonologii [Problems of forming methodology bases of linguopersonology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2008, no. 3 (4), pp. 27–43 (in Russian).
13. Akulich M. M. Internet-trolling: ponyatiye, sodержaniye i formy [Internet trolling: concept, content and form]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskkiye i pravovyye issledovaniya – Tyumen State University Herald. Social, Economic and Law Research*, 2012, no. 8, pp. 47–54 (in Russian).
14. Vnebrachnykh R. A. Trolling kak forma sotsial'noy agressii v virtual'nykh soobshchestvakh [Trolling as a form of social aggression in virtual communities]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Bulletin of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"*, 2012, no. 3-1, pp. 36–39 (in Russian).
15. *Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii: Spornyye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami. Izd. 2-e, pererab. i dop.* Pod red. A. K. Simonova i M. V. Gorbanevskogo [Concepts of honor, dignity and business reputation: Controversial media texts and the problems of their analysis and evaluation by lawyers and linguists. Edition 2-nd, revised and enlarged. Edited by A. K. Simonova and M. V. Gorbanevsky]. Moscow, Medeya Publ., 2004. 328 p. (in Russian).
16. *Besplatnaya pochtovaya sluzhba "Rambler pochta"* [Free email service Rambler Mail] (in Russian). URL: <https://mail.rambler.ru/#/folder/Spam/3177/> (accessed 21 March 2017).
17. *Sotsial'naya set' Facebook* [Facebook social network] (in Russian). URL: <https://www.facebook.com/> (accessed 21 March 2017).
18. Mursalieva G. Gruppy smerti. *Novaya gazeta*. 16.05.2016 [Groups of Death. Novaya Gazeta] (in Russian). URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (accessed 21 March 2017).
19. *Telekanal "Dozhd"* [TV channel Rain] (in Russian). URL: https://tvrain.ru/news/putin-427130/?utm_source=facebook&utm_medium=social&utm_campaign=eto-sluchilos (accessed 21 March 2017).
20. Dement'ev O. M., Dubrovina M.M. *Internet-trolling - shalost', pravonarusheniye ili prestupleniye?* [Internet trolling - prank, offense or crime?]. *Science Time*, 2015, no. 10 (22), pp. 80–86 (in Russian).
21. Galaktionova I. V., Kobozeva I. M., Kolomiytseva T. V. i dr. *Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Forensic linguistic expertise]. *Byulleten' Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii*, 2003, no 9. pp. 63–70 (in Russian).

Kuryanovich A. V., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061). E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru